

НРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ ДВОРЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ В РОМАНЕ И. ГОЛОВКИНОЙ «ПОБЕЖДЕННЫЕ»

Зборовец И.В., доктор искусствоведения

Харьковская государственная академия культуры

Аннотация. Статья о трагической судьбе младшего поколения русской аристократии в условиях массового террора 20-30-х годов XX века.

Ключевые слова: потерянное поколение дворян, религиозные искания дворянской молодежи, пафос гражданских чувств, нравственное противостояние репрессивной системе.

Анотація. Зборовец І.В. Моральні шукання дворянської молоді в романі І. Головкиної «Переможені». Стаття про трагічну долю молодшого покоління російських шляхетних родів в умовах масового терору 20-30-х років XX століття.

Ключові слова: загублене покоління дворян, релігійні шукання дворянської молоді, пафос громадянських почуттів, моральне протистояння репресивній системі.

Annotation. The moral searches of nobiliary young people in the I. Golovkina novel are «Won» over. Article about the tragic fate of junior generation of the Russian aristocracy in the conditions of mass terror of 20-30th years XX of age.

Keywords: lost generation of noblemen, religious searches of nobiliary young people, fervor of civil senses, moral opposition to the repressive system.

Постановка вопроса. Жизнь и судьба дворянской молодежи в Советской России долгое время была запрещенной темой. Литература, искусство не могли коснуться этой темы ни прямо, ни косвенно. Создавалось впечатление, что младшее поколение дворян выпало из истории, о нем намеренно забыли, оно как бы не существовало. Романы, повести, рассказы, пьесы, театральные

спектакли, кинофильмы, живописные полотна, мир скульптуры заполнили *победители* – люди низших классов.

И. Головкина в романе «Побежденные» убеждает нас в обратном: юное поколение русских аристократов даже после отмены титулов и сословий оставалось элитой русского общества, носителем его высших духовных и нравственных ценностей. Дворянская молодежь морально противостояла террористической системе, боролась за жизнь, верила в будущее. Это поколение прошло сложный путь нравственных исканий и пережило душевную драму. В годы массовых репрессий его окончательно перемололи на фабриках смерти, замучили в застенках, сгубили в лагерях¹. Вопреки всякой логике «врагами народа» объявили ни в чем не повинных внуков камергеров, сенаторов, генералов, полковников, адъютантов, гвардейских офицеров, которые дворянской жизни не помнили и не знали². Так нация лишилась своих элитных слоев, что отразилось на всех последующих этапах истории России.

И. Головкина возродила из пепла забвения героические образы лучших представителей дворянской молодежи – жертв сталинского террора.

Возращение в литературу «потерянного поколения» дворянства. От А. П. Чехова русская литература XX века приняла тему бессословной интеллигенции (врачи, адвокаты, инженеры, писатели, актеры, художники). Основной тон задавала повесть В. Вересаева «В тупике». Это была тема уходящего старшего поколения элиты, не поддающегося революционной переделке.

Но у дворян были дети, внуки и правнуки, о которых советская пресса молчала. Аристократы не имели права на продолжение рода. Если бы литературу заполнила дворянская молодежь, это создало бы крайне неудобное для коммунистов впечатление, что у русских аристократов есть *будущее*. Поэтому замалчивали сам факт существования молодого поколения – «последних из могикан» высшего общества.

О трагической судьбе русской интеллигенции писали только за рубежом, в эмигрантской среде. Там появились недоступные для нас книги: «Укрошение искусств» (1931) Ю. Елагина, «Погружение вотьму» (1937) О. Волкова, «Слепящая тьма» (1939) А. Кёстлера, «Тайная история сталинских преступлений» О. Орлова, «Сталин – герой и художник сталинской эпохи» А. Синявского. В Московском художественном театре еще играли «бывшие»: княжна Оболенская, граф Zubov, граф Шереметев. Но их хорошо знали, они были у всех на виду.

В то же время дворянская молодежь оказалась в отчаянном положении, решала сложную задачу: как выжить в радикально изменившемся мире, где были смещены все нравственные понятия? Нередко княжна, скрыв свое происхождение, выходила замуж за красноармейца. Дворянские юноши меняли фамилии, имена, внешность, речь, вносили изменения в биографию. Социальное камуфлирование, маскарадизация интеллигенции были способом спасения жизни. Такова история Петра Корнилова в романе С. Залыгина

«После бури»³. Однако не все обладали способностью менять окраску, словно хамелеон, мимикрировать, органично войти в новую для них социальную роль. Беззащитные перед сталинской террористической машиной, молодые люди хотели жить, любить, учиться в вузе, найти применение своим способностям. Никто из них не верил в свою обреченность.

И. Головкина исследовала трагедию дворянской молодежи изнутри, открыв нам сокровенный мир нравственных исканий персонажей романа – людей культуры, носителей духовности и фундаментальных норм морали.

Цель статьи – выявить духовные, нравственные ресурсы младшего поколения дворян в романе И. Головкиной «Побежденные».

Изложение содержания. Террористическая природа советской власти – одна из главных тем эпического повествования автора. Смертельный удар обрушился на ведущие сословия старого общества – дворянство, духовенство, высшие военные чины, купечество, зажиточное крестьянство. Поражает картина народного горя, затопившего крестьянскую Русь. Запоминаются маленькие дети раскулаченных, высланные из родных мест, голодные крестьяне, просящие хлеба у столовой дома отдыха, фамилии репрессированных ученых – Платонов, Тарле, Болдырев, собрания трудовых коллективов, одобряющие смертные приговоры. Аристократов сживали со свету, расстреливали. «Слова «паж», «камергер», «гвардеец», «сенатор» звучали как приговор»⁴. Дворяне понимали, что в их лице гибнет класс, который дал России слишком много великих имен, людей с исключительными душевными качествами.

И. Головкина вспоминает своих близких: «Оперы Римского-Корсакова идут во всех театрах, а его потомки и друзья влчат жалкое существование в ссылке и просят милостыню на церковной паперти» (353). Княгиня Нина Александровна Огарева-Дашкова повторяет подвиг декабристок: преодолевая громадные трудности, она едет на Обь к ссылке Сергею Петровичу Бологовскому и оформляет брак с ним. Бологовский в отчаянии говорит ей: «Разве ты не видишь: это звери, не люди! Они убьют и тебя!» (229). Даже молодой коммунист Вячеслав Конопляников не мог не видеть человеческую красоту людей, пострадавших от советской власти.

Автор, выражая сочувствие «побежденным», выявляет сокровенные мысли Елизаветы Муромцевой, используя форму внутреннего монолога: «Русь, моя Русь погибает! Мы не смеем называть ее имени, мы не смеем называть себя русскими! Мы не можем упоминать об Александре Невском или князе Пожарском, о Суворове или Кутузове!.. У моей Руси скоро не останется старой потомственной интеллигенции – последняя пропадает в лагерях и глухих поселках!» (355).

Самые дальновидные аристократы осознавали губительные последствия социальных процессов 20-30-х годов: миграция сельской молодежи, пролетаризация крестьянства. Князь Олег Дашков понимал, что «оторванная от родных очагов молодежь не захочет возвращаться к земле. Пролетаризация

крестьянства и перенаселение городов идут полным ходом, а насильственная коллективизация разорит деревню дотла. Пролетариат – наиболее испорченная и нездоровая часть населения, в которой моральные устои обычно раскачаны, которая отрешилась от патриархального уклада, но еще не приобщилась к культуре. И вот этой части населения дать хлебнуть власти, дать наибольшие права, натравить ее на другие классы, разнудать – это такой страшный опыт, который может навсегда погубить нацию» (356). Эти пророческие слова обращены и к нашему поколению.

На этом социально-историческом фоне И. Головкина выдвигает проблему дворянской молодежи, которой предстояло выйти из оранжереи, из-под стеклянного колпака, избавиться от опеки родных и определиться в новой жизни. Репрессивная система пыталась этому помешать.

В начале романа дворянская молодежь еще очень далека от реальной жизни. Барышни надеялись на чудо: явится принц или рыцарь без страха и упрека, белый офицер и спасет их. Княжны, внучки сенаторов оказались в изоляции. Никаких выездов и балов, никого из высшего общества, никакого выбора. В этом плане характерен диалог Аси Бологовской и Шуры Краснокутского:

Ася. Они уже расстреляли наших отцов... Неужели же и наше поколение надо резать и гнать? Неужели же мало крови?

Шура. Это называется классовый борьбой. Мы хотим жить, учиться, быть счастливыми, но мы уже приговорены – вопрос о сроках только.

Ася. Шура, да в чем же мы виноваты? Когда началась революция, мне было семь лет, а вам десять» (124).

Это было уже совершенно другое поколение, которое в новых социально-исторических условиях стремилось отмежеваться от дворянства. Больше того, внуки проклинают своих предков-аристократов, которые, сами того не желая, повесили на них груз титулов, пажеских и камергерских званий. Так, например, Мики Огарев в комическом стихотворении «Юноша и родословная» обвиняет предков, из-за которых у него теперь большие неприятности:

*Пра-пра-прадедушки, вы эполетами
Вовсе нас сгоните с белого свету!
Пра-пра-прабабушки, вы в шелках кутались,
Чтобы пра-правнуки ваши запутались!
Папы и дяди, вы за биографию
Нелестной давно снабжены этитафией!
Кузены и братья
властью советской
Житие волокут
В Монастыре Соловецком.
Нахмурил свой лоб, теперь я, словно Гамлет,
Жду, что фортуна мне нынче промямлит:
Быть ли мне в вузе или не быть
И как мне вернее праотцев скрыть?! (362).*

Уходящее старшее поколение дворянства автор изображает комически через восприятие подростка Огарева в сцене проводов Надежды Спиридоновны: «... выползли древние старухи в соломенных шляпках, графиня Коковцева, Полина Павловна Римская-Корсакова, жена бывшего камергера Моляс, полковник Дидерикс... Экспонаты времен империи в будущем музее дворянского быта!» (447). У Аси Бологовской уже нет дворянской спеси, чувства кастовости, ей чужд антисемитизм. Молодежь хочет найти свое место на земле «после потопа».

И. Головкина прослеживает в романе разные пути нравственных исканий потомков известных аристократических фамилий. Прежде всего, привлекают внимание судьбы Мики, Мэри и Пети. Для них идеалом могли быть только Победенные – белогвардейцы из Крымской армии, из «Союза защиты Родины и Свободы». Некоторых героев – гвардейских офицеров они знали лично, чувствовали их духовное превосходство. Но период вооруженной борьбы закончился. В новой общественной ситуации произошла смена ориентиров. В сознании дворянской молодежи совершился поворот к церкви, к идеалу святого мученика. Жажда нравственного подвига приводит Михаила Огарева в тайную организацию, созданную христианской общиной. При крупных храмах возникали братства верующих. Значительная часть молодого поколения дворян нашла себя в религиозной жизни: пели в церковном хоре, читали молитвы, прибирали, ухаживали за больными, носили передачи заключенным, соблюдали церковный устав – исповеди, посты, посещали богослужения. Это слияние дворянства и церкви как акт скрытой оппозиции и возможный очаг антисоветского движения привлекло внимание ОГПУ.

Церковь была тогда частью гонимой дворянской культуры: старые иконы с их потемневшими, застывшими ликами, золотые нимбы, оваянные ладаном песнопения, красота старинных уставных служб, – все это было тесно связано с прошлым. Поддержанное народом, это прошлое Родины не хотело умирать. Православная церковь обладала таким сокровищем, как Евхаристия (благодать). Именно здесь, среди икон, Мики-подросток находит свой идеал мученика: «Таким буду и я, – сказал себе Мика и невольно поднял глаза на звездное небо» (272).

В школе у Михаила Огарева не прекращаются столкновения с комсомольским бюро, советом отряда, клубом безбожников. Протест дворянской молодежи реализуется в играх. Дерзкой выходкой школьников становится игра в «чепуху». На одной из записок было: «Сталин и Мэри в кухне среди ночи строили друг другу рожи» (345). Игра с переодеванием в рынд и боярышень закончилась для молодых людей ссылкой и конфискацией имущества.

Другая часть молодежи, не примкнувшая к церкви, не оставляла надежду на всеобщий взрыв гражданских чувств, который сметет с лица земли террористический режим. Елизавета Муромцева размышляет: «Идея

религиозная меня не увлекает. Я сочувствую гонимой церкви, но *гражданские чувства* во мне сильнее религиозных» (354). Она возмущена тем, что у русских отнимают религию: «церкви и монастыри почти все закрыты, а теософские кружки и библиотеки разгромлены» (355). Муромцева угадывает поворот времени от героической эпохи сражений к незаметному героизму повседневной, будничной жизни. Ей кажется, что для нее и князя Дашкова все осталось в прошлом: «Подвига не будет – уже был! Все героическое в нашей жизни уже кончилось, и у него и у меня...» (433). Однако главный, нравственный подвиг князя Дашкова и медсестры Муромцевой еще впереди.

Среди дворянской молодежи 20-30-х годов были и надломленные натуры, не нашедшие себя в новой жизни. Во второй части романа ведущей является судьба дворянской девушки Елены Нелидовой. В сюжетном отношении она подготавливает трагическую развязку романа «Побежденные». Лёлю Нелидову выделяет среди сверстниц не только «мушка маркизы» – родинка на щеке. Еще более заметны индивидуальные, неповторимые черты ее характера. Это девушка непокорная, норовистая, своевольная, идущая против течения. Она находится в постоянном конфликте с жизнью и с собой. Аристократы называют Нелидову «маленьким хищником», который при случае может показать коготки. Фроловский говорит князю Дашкову: «Ты любишь девушек в стиле мадонн, в ореоле невинности. А я нахожу, что маленькая Нелидова интересней, пикантней. В ней есть изюминка» (190).

Действительно, в характере Нелидовой заложены взрывоопасные «вещества». Лёля постоянно конфликтует с матерью, которая стремится оградить дочь от враждебной среды. Зинаида Глебовна понимает, что сотканная из кричащих противоречий Лёля идет к катастрофе. Опасным становится сам порыв Нелидовой к жизни, ее желание быть как все. Она первой отрезала косы, стала носить короткую прическу в духе времени и получила от матери прозвище «Стригунчик». Родные и близкие объясняют Лёле, что ее попытка «пролетаризации» обречена на провал. Никто не поверит, что аристократка, дочь классового врага – своя. Нет, дети репрессированных опасны тем, что затаили зло! Нелидова возмущена: «Это я-то опасна!» (34).

Прекрасная Елена, как и любая девушка, жаждет любви, общения, понимания и страдает оттого, что жизнь ничего ей не дает. Она жалуется Асе Бологовской: «Что нам остается делать?.. Напрасно пропадают, уходят наши лучшие годы, наша молодость, которая уже не вернется! Мы не веселимся, не танцуем, сидим, как в норе. Мне скоро девятнадцать, а я еще ни разу не потанцевала. Если нет прежнего общества, нужно довольствоваться тем, которое есть, а мама не хочет этого понять» (35).

Лёля Нелидова растерянно мечется по жизни, не находя себе ни в ком опоры и защиты. Ее душевная борьба достигает драматического напряжения в выборе жениха. Ни в аристократе Валентине Фроловском, ни в плебее Вячеславе Коноплянникове она не видит свой идеал. Ссылка Фроловского в

Караганду разрушает и надежду на личное счастье. Нелидова навещает его мать, Татьяну Ивановну, которая дарит потенциальной невесте своего сына фамильный жемчуг. Однако Нелидова не принимает невольно навязанную ей роль невесты. Она тайком возвращает подарок Шуру Краснокутскому с просьбой продать в пользу Фроловских.

Потеряв жениха своего круга, Нелидова отвергает и предложение человека из низов общества. В глазах Лёли Коноплянников слишком серый, далекий от бонтона. В сцене любовного признания Вячеслава «головка Лёли горделиво и возмущенно вскинулась, как голова породистой своенравной лошадки» (400). Разве это муж? Она подумала: «Какой удар был бы для мамы!» (421).

Терпит поражение не только попытка Нелидовой устроить личную жизнь, напрасными были и ее поиски работы. Сцену заседания месткома больницы автор романа дала через восприятие героини. Решался вопрос о ее вступлении в профсоюз. Руководствуясь классовым принципом, «товарищи» разоблачили «врага»: аристократку не пустили в трудовую жизнь. Нелидова сразу поняла, что у этих людей она не добьется ни сочувствия, ни понимания. Она подумала: «Боже ты мой, какие рожи!» (401).

В эти дни острого душевного кризиса, безработицы, личной неустроенности и моральной растерянности Елену Нелидову вызывают в «три буквы» и насильно, с помощью угроз, запугивания навязывают роль тайного осведомителя. Не имея опыта жизни, она впервые увидела подлинное, чудовищное лицо коммунистического государства, цель которого – изменить природу честного, порядочного человека и превратить его в доносчика, предателя, подлеца и негодая. Так дворянская девушка не по своей воле становится сотрудницей ОГПУ под кличкой «Гвоздика». Нелидова признается князю Дашкову в том, что проявила слабость и, запуганная следователем, оказалась в нравственной ловушке, из которой нет выхода. Князь Олег потрясен тем, что Лёля – в сетях гепеу: «Вы попали в очень трудное положение» (412).

И. Головкина показала, как государство-монстр подкармливало тайных осведомителей гепеу. Женщина-сексот получила работу, имела даже некоторые привилегии. Все это было и в истории с Нелидовой. Ее устроили в рентгенкабинет, дали ей средства к жизни. Но какой ценой?!

Автор романа выявила душевные муки своей героини. Гепеу загнало ее в угол, заставило поступать противоестественно – хитрить, лгать, изворачиваться, кривить душой, всеми силами противится принудительно навязанной ей роли. Где же выход? Неужели спасения нет? Может быть, вопреки своей натуре повторить подвиг декабристок, уехать в Караганду к Фроловскому? Он оценит ее жертву. Этой добровольной ссылкой она прекратит домогательства следователя гепеу. Но выдержит ли она это испытание? Дни идут за днями, а счастья нет! В романе звучат стихи А. Блока, которые усиливают драматизм нравственной проблемы:

*Ночь как ночь, и улица пустынна...
Так всегда!
Для кого же ты была невинна
И горда?*

В самом деле, спрашивает автор, для кого?

Ключевое значение получает эпизод, в котором Елена Нелидова на улице случайно встречает Агашу – старую служанку Фроловских, которая собралась ехать в Караганду к ссыльному Валентину Платоновичу. Эта встреча окончательно убеждает героиню в том, что повторить подвиг декабристок она не сможет («Нет, не могу – не выдержу!») (444).

Между тем среди остатков петербургского дворянства начинается паника. Полковник Дидерикс наносит визит Наталье Павловне Бологовской и сообщает, что в ее кругу появился доносчик под кличкой «Гвоздика». Ася передала разговор с бабушкой князю Олегу, и он подумал о Нелидовой: «Пригрозили! Запугивают девчонку, а она, шадя нас, подводит окружающих!» (449).

Наталья Павловна обещала поговорить с молодежью и вынудила у Лёли признание в том, что она завербована гешеу. Бологовские получают нравственный удар. Они понимают, что дьявольская система уже добралась и до молодого поколения дворян. Князь Дашков берет под защиту Нелидову. Он говорит Наталье Павловне: «Не могу считать Елену Львовну слишком виновной: устоять в такой обстановке нелегко! Прошу вас извинить ей вполне понятный в молодой девушке недостаток героизма. Елена Львовна как только могла, старалась выгородить меня и Асю» (457).

Трагическая развязка приближается, но И. Головкина использует прием торможения действия. Нелидова заболевает туберкулезом легких. Болезнь усиливает ее нравственные муки, о которых она может рассказать только князю Дашкову: «Следователь меня как паук муху в паутину засасывает. Теперь до конца моих дней так будет!» (450).

В судьбе Елены Нелидовой автор романа увидела *проблему героизма негероической природы*. Слабая физически, не созданная для борьбы, Нелидова постепенно обретает силу духа, ее натура сопротивляется репрессивной машине гешеу, ненависть к палачам придает ей силы. Девушка-аристократка остается на недостижимой нравственной высоте.

В морально-психологическом поединке Нелидовой со следователем наступает временный перерыв. Лёля получает путевку в санаторий для работников гешеу и уезжает на юг. И. Головкиной для реализации замысла романа были необходимы сцены, в которых резко обнаруживает себя контраст победителей и побежденных. Идет непримиримая моральная борьба людей разного уровня культуры, воспитания, нравственных представлений, обостряя социальный конфликт мирного времени.

Советская власть закрыла публичные дома, вынудила бежать в Турцию тысячи проституток. Их функции перешли к курортно-оздоровительным

учреждениям разного типа. Отсюда народная поговорка: в СССР нет публичных домов, зато есть дома отдыха. Нелидова попадает в обстановку секса, животных страстей. Все социальные и морально-этические перегородки между мужчиной и женщиной разрушены, и они спариваются с таким же советским энтузиазмом, с каким осуществляют трудовые планы и «великие стройки коммунизма». Этот сексуальный безудерж санаторных отдыхающих приводит в ужас Нелидову. Какой-то мужчина обращается к ней в столовой: «Не поверю, что вы останетесь ночью в своей постели!» Внутренний монолог передает реакцию героини: «В прежнем обществе за такой фразой последовала бы дуэль! А здесь она вовсе не считается оскорбительной. Это опрокидывает понятия, в которых мы воспитаны, например неприкосновенность девушки, при которой не должно произноситься ни одно смелое слово и недоступность которой нельзя безнаказанно взять под сомнение. Мне очень хочется любви и счастья, прежде чем я умру от этой самой чахотки... или... *сгину где-то очень далеко*» (454-455). Размышления Нелидовой звучат как пророчество!

Атмосфера слежки и доносов проникла в семью, вторгалась в личные, самые интимные отношения людей. Муж доносил на жену и наоборот. Родители доносили на детей и наоборот. Жених или невеста оказывались сотрудниками ОГПУ-НКВД. В романе И. Головкиной разработан один из таких сюжетов: жениха используют в качестве осведомителя, и он проникает в тайные глубины семейной жизни Бологовских. Абсурдная логика советской реальности такова, что именно *предательство жениха*, близкого человека, привело к катастрофе семью бывших аристократов.

Лёля сообщает Асе сенсационную новость: у нее появился поклонник. Геннадий Корсунский заметил в Нелидовой необычное сочетание скромности и эксцентричности, меланхолии и жадности к жизни. Нелидова вышла за пределы своего круга, обманутая сердечным порывом и ожиданием счастья. Роковым образом соединились возраст любви и рискованный характер героини, забывшей о смертельной опасности.

Корсунский вошел в жизнь Елены Нелидовой в самый разгар охоты гепеушников на князя Дашкова, скрывавшегося под фамилией Казаринов. Агенту необходимо было найти неопровержимые доказательства, которые подтвердили бы свидетельства инвалида и врача о том, что Дашков жив. Нелидова невольно помогла чекистам, приведя к Бологовским «жениха», и аристократы сами раскрыли ему свою тайну.

В квартире Бологовских стоял манекен по прозвищу «Леди». Князю Дашкову пришла в голову блестящая мысль выпилить в манекене дупло и спрятать в нем компрометирующие документы, в том числе и фотопортрет Олега – мальчика в форме пажа. Корсунский становится свидетелем того, как аристократы прячут неудобные семейные реликвии. Перед будущим женихом Елены Нелидовой, человеком, который входит в их круг, Бологовские не считали нужным скрывать дореволюционные снимки. Корсунский видит фотопортрет

фрейлины Наталья Павловны в придворном платье, мальчика-пажа, читает на одном из снимков: «На память о дне нашей свадьбы. Нина и Дмитрий Дашковы». Корсунский поражен случайным открытием. Позже он скажет Елене: «Я такого пассажира, признаюсь, не ожидал. Можно было предполагать, что все это только нелепое, ни на чем не основанное предположение...» (515). Он сам в недоумении: ведь его роман с Нелидовой неожиданно для него самого обернулся громадной услугой ОГПУ. Остатки совести приводят его к осознанию неестественности сочетания «жениха» и предателя. Корсунский ищет забвение в вине. Пьяный, он признается Лёле: «Зря вы мне вашего пажика подставили... У меня любовь, а они лезут – Дашкова им подавай...» (520). Нелидова потрясена саморазоблачением доносчика и возможными последствиями случившегося. Действительно, Бологовские и Нелидовы стояли уже на краю пропасти.

Поэтому в финале второй части романа «Побежденные» вновь появляются религиозные мотивы. Высшие силы предупреждают князя Дашкова о грозящей ему опасности. Автор замечает: «Только тот, кто жил при большевистском терроре, понимает, что такое звонок среди ночи. От одного ожидания его устают, замучиваются и раньше времени гибнут человеческие сердца! Такой звонок – вестник несчастья, разлуки, крушения всех надежд... Счастлив тот, кто его никогда не слышал и не ожидал из ночи в ночь».

Князь Дашков тайно ночует дома, не может уснуть; он наблюдает через оконное стекло за странным *оранжевым облаком*. «Внезапно из передней донесся пронзительный, резкий звук, который можно бы сравнить с трубой Архангела в Судный день! Уж не стоял ли в самом деле на том оранжевом облаке невидимый Архангел!...» (526). Звучит тема рока, преследовавшего русскую аристократию.

Горе долго щадило семью Бологовских, обходило их дом стороной, не мешало счастливому браку Олега и Аси. Но везение не могло продолжаться бесконечно, поскольку жизнь развивалась по другим законам, и аристократам не было в ней места. Истребительные силы террористической системы обрушились на Бологовских своей страшной машиной разрушения и смерти. Дьявольский донос Корсунского сделал свое черное дело.

На самую высокую точку нравственной философии романа И. Головкина поднимает строки А. Блока:

*Верь, несчастней моих молодых поколений
Нет в обширной стране!*

Выводы. В романе «Побежденные» И. Головкина осуществила реабилитацию темы молодого поколения дворянства, вступившего в жизнь после окончания гражданской войны. Впервые в обстановке кардинальных общественных перемен возродилась традиция изображения действительности с точки зрения русской аристократии, которая в 20-30-е годы мучительно искала свое место в перевернутом быте.

В перевернутом мире все было обращено против титулованных особ: происхождение, свободное владение французским языком, воспитание, историческое прошлое, государственные и военные заслуги предков перед Родиной. Поэтому даже самые скромные желания и стремления нового поколения дворян не могли осуществиться. Аристократы оказались вне общества, они выпали из истории, поскольку всем мешали, напоминая о том, каким должен быть человек, в чем его достоинство. В советском антиобществе дворянской интеллигенции некуда было пойти, некому было довериться, не от кого ожидать защиты и помощи.

И. Головкина убедительно показала, как в этом абсурдном мире естественное чувство любви дворянской девушки привело к катастрофе, поставило две аристократические фамилии под топор сталинских репрессий.

Злу и насилию автор романа противопоставила религиозные и мистические силы, управляющие судьбами людей, чудесное вмешательство Высшего сознания, перед которым машина государственного террора бессильна.

Литература:

¹ Зазубрин В. Щепка / В. Зазубрин // Наш современник. – 1989. – № 9. – С. 31-68.

² Лотман Ю. М. Быт и традиции русского дворянства / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство, 2001.

³ Зальгин С. После бури / С. Зальгин // Роман-газета. – 1983. – № 22. – 80 с.; № 23. – 76 с.

⁴ Головкина И. (Римская-Корсакова) Побужденные: Роман / И. Головкина. – М.: МП «Русло», 1993. – С. 282 (В дальнейшем страницы указываются в тексте).